

СТИХИ ЮЛИАНА ТУВИМА

ЦВЕТЫ ПОЛЬШИ

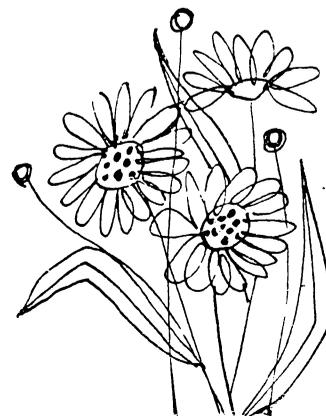
(Отрывки)

О СТАРОЙ НЕДОЛЕ

О лимфатические дети
Балут! О лиц их острота!
(Как будто вырезаны эти
Черты из серого листа).
О призрачные человечки,
О маленькие старички,
Пускающие челночки
Бумажные по грязной речке,
Что от фабричных сточных вод
Так жирно, радужно цветет!
Мечты плывут — за челночками,
Плывут и крысы — за мечтами.
Вот ветер, всколыхнув листву,
Напев безумный из тумана
Донес:
— "J'ai heurté, savez-vous,
D'incroyables Florides!" — То Пьяный
Корабль плываёт сквозь океаны
Средь волн, средь красок, средь чудес.
И вдруг: — „Уж если сердце здесь
По европейским водам тужит,
Так только по вонючей луже,
В которой детская рука,
Мелькая в сумерках, пускает
Корабль нежнее мотылька..."
Но вот и золотарь въезжает
Во двор на бочке; во дворе
К зловонной мерзостной дыре
Детей он сразу увлекает.
Затем является на двор
Артист — блистательный жонглер,
Всегда, повсюду окруженный
Детей толпою восхищенной.
Линялый расстелив ковер
И сняв пальто, он остается
В засаленном цветном трико;
И вот по воздуху легко
Бутыль восьмерками несется,
За ней вторая. Посмотри —
Теперь уже их целых три!
На небе дети. Я? Я ниже.
Я на земле. Стою, застыв,
Среди полей. Вокруг колышет
Летучий вихрь колосья нив,
А вместе — мыслями моими;
Ласкает их, играет ими,
Что нету хлеба у людей,
Что, несмотря на ширь полей,
Таких богатых, колосистых,
То золотых, то серебристых,
На щедрость добрых летних дней,
На свет небес лазурных, чистых —
Жизнь беднякам для их детей
Дает лишь вонь балутской грязи,
По лицам ползающих вшей,
Крыс, да клоаки безобразья!...
Так где же, наконец, ответ?
Ужель ищущего напрасно?
Нет, непонятен божий свет —
Зловещий, жалкий и прекрасный.
Промчалось двадцать восемь лет,
А мне, как прежде, все неясно.

„Бродяга, царь дорог”, в пыли
Стою я у крестьянской хаты.
Соломою стрехи покатою
Она касается земли,
Она в лишайники одета;
Мох серый из щелей торчит,
Как волос на груди у деда,
Который на крыльце сидит
И тянет дым махорки черной...
В сенях же — допотопный жернов
И поросенок, — он упорно
В помой лезет и визжит.
И в хате на столе стоит
Похлебки жидкой, постной миска —
Одна на шестерых. И низко
Над детской головой склоняясь,
Старуха ищет. Дым и грязь,
А на полу — младенцы, куры,
Хлеб кисел, жесток и тяжел,
И он такой же черствый, бурый,
Как этот глинобитный пол...
У доброй пани Михаловой
Я выпиваю молока
И — в путь. Дорога далека.
И снова думаю, и снова
Рвет, мнет, крошит моя рука
В негодовании и злости
Густые спелые колосья.
Внезапной яростью объят,
Что я топчу, что истребляю?
Несчастье? Счастье? Я не знаю.
Но в гневе мчусь я, как снаряд,
Детей из Лодзи вспоминаю
И всей мужицкой жизни ад!
А, глянь, от края и до края
Поля так щедро хлеб родят,
Так в золоте лучей горят!
Да, я снаряд! Снаряд, готовый
Взорваться нынче поутру!
Разрушу мир. Построю новый!
Я вырву зло! Сотру!

Перевод К. ЧУКОВСКОГО

ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ ИЮЛЯ

Нарядился. Нынче годовщина.
Желтые ботинки, галстук сочный.
Фрак, хранящий запах нафталина,
Воротник из гуттаперчи, прочный.

В зеркале себя обозревая —
Шею жирную, глаза свиные,
Шепчет: — Польша! Ля земля родная!
Франция! Вот я каков! Нех жие!

Для него сей прздник! Баррикады...
Толп неистовство... и кровь народа...
Над Парижем пушек канонада...
И над Францией заря свободы!..

Для него сей праздник. Будет важно
Он несет мясоторговцев знамя.
В клубе, вечером — крикун присяжный
— Вив ля Франс! — реветь между речами.

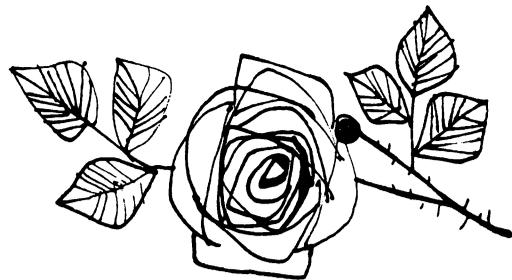
Марсельезу, глазки растараща,
Запоет со знатью цеховую.
И, махая флагом, мысль обрящет:
„Франция! Л'отечество второе!”

Он — мясник почтенный, в честь восстанья
С глаз смахнет две-три слезинки дробных...
Он других „июльских дней” создание —
Галлеров, Корфантов друг-пособник!

Но однажды — будут ждать бесплодно
В этот день его к обеду дома...
— Встанешь, дочь великого народа,
В блеске грозном молнии и грома.

И его настигнешь! О день гнева!
Бичь возмездья! Грозная расплата!
Амазонка! Пламенная дева!
Ярость улиц! Мятежа раскаты!

Перевод Е. ПОЛОНСКОЙ

СИРЕНЬ

Нарвали сирени, набрали,
Награбили, наломали,
Накрали душистой, росистой,
Лиловой и белой, лучистой.

Цветов в ней и листьев без счету,
Считать потеряешь охоту,
Топорщится, жметса, теснится —
И в гуще поющая птица.

Как ветви ломали с размаху,
Запутали сонную птаху,
В ветвях ее шумных и грузных
Забился испуганный узник.

Сирень помирает со смеха:
— Куда ты, любезный, заехал?
Ему ж, оглушенному в зелень,
Одно щебетанье утеха.

В душистой темнице сирени
Он горло дерет в испугленьи:
— Еще ее рвите, ломайте!
Чтоб стинуть в ее аромате!

Перевод Н. АСЕЕВА

СТРОФ О ПОЗДНЕМ ЛЕТЕ

1.

Сколько осени повсюду!
Точно в полной бочке меда,
А ведь это лишь начало,
Первый знак ее прихода.

2.

Сколько листьев в позолоте,
Хоть корзинками носи их!
А трава как буйно встала —
Так и просит, чтоб косили.

3.

Лето налито в бутылки.
Бродит солодом на полках,
Так и жди, что выбьет пробки,
Взаперти не будет долго.

4.

Нарастая увяданьем,
Август яблочный и винный
Красноватый, травянистый,
Скован гранями графина.

5.

Вышла ящерица греться,
На горячий села камень.
Волны зелени змеиной
Вьются медью под лучами.

6.

Сено свежее над лугом
Ветром стелется медовым
Чуть повеет ароматом
И как будто дремлет снова.

7.

Облака в пруду, иль это
Лепестки упали в воду?
Тростью бережно коснусь их,
Не испортить бы погоду!

8.

Солнца луч вошел глубоко
В этот пруд, в меня и в землю.
Ветер нам глаза смежает,
Весь теплом нагретый дремлет.

9.

А из кухни запах леса:
В кипятке там варят хвою,
Тот отвар я сам придумал:
Бор с обливой золотою.

10.

И стихи я сам придумал,
Да не знаю, чем помогут.
Медленно пишу, с любовью,
С состраданьем и тревогой.

11.

Так же медленно, читатель,
Их читай ты, так же тихо.
За великим летом будет
Встреча с осенью великой.

12.

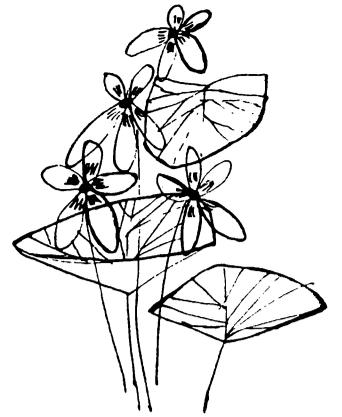
Квартиру осени я выпью,
Поброжу в пустынном парке
И на землю ледяную
Брошусь там под месяц яркий.

Перевод М. ПАВЛОВОЙ

СЛОВОМ В КРОВЬ

Ваши слова, как салонные болонки,
А мои — как бешеные псы!
К чорту ваши арабески и бурлески!
Вместо того, чтоб рифмы выстраивать в колонки,
Хлесткими, как пощечины, стихами
Бейте прямо в лбы!
Разорвать, разорвать в клочья
Ваши сонеты и тирлитриолеты,
Глупцы!
Пусть поэзию чтить перестанут
Сладострастные дамы,
Белобрысые, хилые панны.
Словом в кровь — как по башкам тесаками!
О слова! живые, с зубами, с клыками,
Упругие и хищные, как львы!
Как львы!

Перевод М. ЖИВОВА

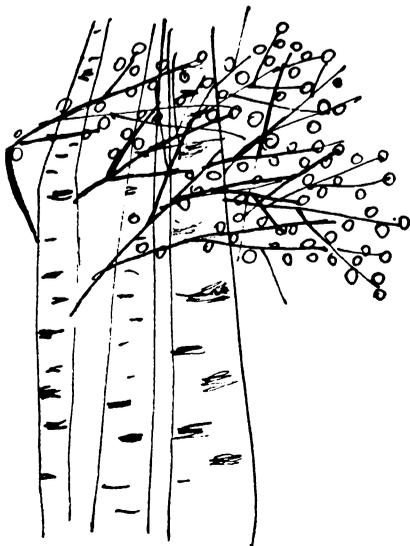
ДВА ВЕТРА

Один ветер тучи гнал,
А другой в саду играл,
Он тихонько, он легонько
Зелень листьев шелковистых
Мял.

Один ветер — ветрогон,
Растянулся в поле он,
Вспрыгнул, вскрикнул,
закружился,
Буравом в лазурь вонзился,
Скувырнулся прямо в сад,
В сонный сад, где вишни спят;
Мнет тихонько и легонько
Зелень листьев шелковистых
Ветер-брат.

Сдунул снегом с вишни цвет,
Залил смехом целый свет,
Крикнул брата, мчат куда-то
По полям, где рожь не сжата,
Облака и птиц гоняют,
На ветрянки налетают,
Крылья глупые дурачат,
Рыщут, свищут, пляшут, скачут,
Что есть силы дуют, воют
Разошлись — сам чорт не рад!
А в саду деревья спят...

Перевод М. ПАВЛОВОЙ

НАУКА

Да, учили нас, кажется, знатно
Логарифмам, биному Ньютона,
Тщась пособиями из картона
Бесконечность нам сделать понятной.

Излагали мне много теорий,
Объясняли мне тайну кораллов;
Были стеклышки для инфузорий,
А другие — для лунных каналов.

Много знаний в запасе хранится:
Н₂O, Гей-Люссаки, Амперы,
Капиллярный сосуд, чечевица,
Измененья земной атмосферы...

Все я помню — про колбу, про соду,
Про янтарь, подвергаемый тренью,
Про тела, погруженные в воду,
Про лягушку, про угол паденья.

Если в наших долготах стемнело,
Знаю: день загорается в Чили, —
Да, рассудок мой осоловелый
Всякой дрянью упрямо глушили!

Но в своем скудоумьи упрямый,
Я одно только знаю наверно —
Что на том полушарии скверно:
Ходят люди там кверху ногами!

И, как школьнику, вызов господний
Мне мерещиться стал то и дело.
— Разреши мне, господь, не сегодня...
Я не мог... Голова заболела!

Но осилю я, может быть, позже...
Одолеть всю премудрость легко ли?
Сделай милость, оставь меня, боже,
Второгодником в жизненной школе.

Перевод В. ДЫНИНА

ЭКСПЕРИМЕНТ

Весна! Настойчиво и точно,
Настойчиво и ясно образ твой
В ночь твоего рожденья пред собой
Я вызываю силой четкой мысли:
И снег
Уже
Темнеет,
И в воздухе
Теплеет.
Река преграды ледяные рвет,
И чернозем бурлит в разбухшей Висле.

И вот прошел уже последний лед,
И вольные заговорили воды.
(Чудестно! Хоть слегка псевдоклассично).
День воскресения природы —
Восходит новый, юный свет,
Живой и пестрый —
И вот
Уже растет,
Цветет,
Отчетливый, настойчивый и острый.

И как на препарате физиолог,
Правдивыми словами
Перед вами
Я обнажаю нервы польской речи
(Как рассекал бы
Я живую ткань).
Уверенно, спокойно
И неспешно
Кладу я на стеклянную пластинку
Весну
И, как зеленую лягушку,
Вскрываю вдоль,
Распластываю вширь
И в нерв
Ланцетом.
Дрогнула? — Жива!
Одна неточность
Есть в примере этом,

Но замени анатома
Поэтом —
И в образах не будет расхожденья.
Зеленая лягушка ты, весна!
Ты в утро своего рожденья
Лежишь, распята на листе моем,
И я пером
Вскрываю грудь твою без сожаленья.

Еще один, последний раз
Взгляну прищурившимся глазом,
Как будто повторяю снова.
На волосок
Вперед и вбок,
И разом
В нерв
Ощеренного слова.

Затрепетало,
Солнце всходит ввысь,
Гоня предутренние тени,
И в поцелуе, средь кустов сирени,
(„Сирени”!)
Любовники, безумствуя, слились.

Теперь любые выбирай слова
И назови весну желанной,
И назови весну благоуханной —
Не все ль равно? Все это будет Правда.

Поэты!
Вот
Единственная тайна ремесла:
Вторгаться внутрь!
И обретет бессмертие весна.
Вы ельщики, какое чудо зреет:
Один надрез — и вновь весна поет,
Трепещет в каждом слове, в каждой мысли!
„И снег темнеет, в воздухе теплеет,
Река преграды ледяные рвет,
И чернозем бурлит в разбухшей Висле”.

Перевод В. ЛЕВИЖА

ВЕТКА

Вечно движется веточка эта.
Отчего? Попытайтесь — ответьте!
(Может быть, и движения ветра
Порождают лишь звуки вот эти?)

Вижу: веточка зарозовела,
За окном все упруге, все ближе.
Гибким прутом в стекло зазвенела
„Я — цветущее слово. Впусти же!”

Окна настезь! Ударила светлым
Светом, цветом и в воздухе пишет...
Вслед ей ветер и следом за ветром
Вдруг стихи! — Век таких я не слышал

Ни зеленого я понятия
О таких не имел. Но из окон
Алость, радость, чтоб все мог понять я,
Здесь в покое цвета одиноком.

Влажность. Пышность. И вырос стократ оя,
Этот розовый шопот могучий,
И вливается он ароматом
В руку, в ручку и в недра созвучий.

Дирижирует веточка эта
Звучным трепетом белого света,
Чтоб в стихи эту алость понять ей
Свыше всяких зеленых понятий.

Перевод Л. МАРТЫНОВА